

Азбука Голоса

Другие книги
серии
«АЗБУКА. ГОЛОСА»

Валерий Шпякин
0,5

Владимир Березин
СНТ

Анна Линская
КАФЕ СМЕРТИ

Екатерина Какурина
МАРКЕТОЛОГ
ОТ БОГА

Марина Чуфистова
ЙАЛКА

Александр Касаверде
Электрические киты

Владимир Шинкарев
МАКСИМ И ФЕДОР

Владимир Березин
УРАНОТИПИЯ

Сергей Гандлевский
ТРЕПАНАЦИЯ ЧЕРЕПА | НРЗБ

Андрей Волос

Облака перемен

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
В 68

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Орехова

ISBN 978-5-389-26949-1

© А. Г. Волос, 2025

© Оформление.

ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

Автор благодарит
Вячеслава Григорьевича Игнатьюка,
без самоотверженной помощи которого
эта книга не могла бы появиться на свет.

ПРОЛОГ

На похоронах редко увидишь что-нибудь новенькое, всё заранее известно, разве что эпилептический припадок, как было на Мишиных с кем-то из Майиных, или тот случай у Веры Сергеевой, когда новоиспечённый вдовец собрался сказать слово о своей временно ушедшей: сказал одно, сказал другое, а на третьем упал, и через четыре дня беднягу самого выносили.

Поэтому и хорошо, что дело шло самым привычным образом. Выбивалась разве что Ленина фата: даже когда уже расселись и стали наливать и накладывать, тёмное облако по-прежнему смазывало черты её осунувшегося лица и словно добавляло застолью полумрака.

Лена с самого утра была в ней. Когда я подошёл к моргу, она стояла, держа Маришу под руку. Эта её фата меня удивила, но я не подал виду, произнёс положенное и отошёл в сторонку.

Я ожидал увидеть собрание позначительней: пышные букеты, венки в размер само-

лётного люка, чёрные приземистые машины с вышколенными водителями — всякое такое, что больше подходило бы к Лениному статусу, о котором говорила Марина.

Но собравшиеся ни числом, ни качеством не оправдывали ожиданий. Наверное, мы поместились бы и в «газель», во всяком случае, пазик оказался далеко не полон.

Марина переговаривалась с приятельницей на соседней лавке, Лена молча сидела рядом, и в ней было что-то от нахохлившейся чернопёрой птицы.

При выезде на кольцевую машина ритуальных услуг попала в пробку. (Слово «катафалк» лично для меня навеки сцеплено с лафетом, я его инстинктивно избегаю.) Мощные рывки предварялись грозным хрюканьем в коробке передач. Гроб скрипел, слегка елозя по стальным полозьям. Солнце жарило сквозь окна, в проёмы сдвинутых створок несло не столько прохладой, сколько гарью.

Но скоро выбрались, покатали веселее и минут через сорок въехали под ажурную металлическую арку, поверху украшенную серебряным полукругом с чёрными буквами топонима.

Снаружи было по-летнему хорошо: солнце, тёплый ветер. Такое случается в середине апреля: вчера ещё снежило, сегодня кто-то уже в шортах, завтра опять белые мухи полетят. Почки ещё и не думали разворачивать-

ся, деревья сухо подрагивали чёрными ветвями, лишь несколько ближних к конторе берёз подёрнуло зеленью, как в середине лета подёргивает ряской воду в пруду.

Пока гурьбой шагали за каталкой, он, этот северо-западный, поначалу такой ласковый и тёплый, успел надоесть. Налетал будь здоров: умеренный, порывами, пожалуй что, и до сильного.

На полпути с крышки домовины сдуло несколько гвоздик (хоронили в закрытом), я подобрал, но не знал, можно ли положить обратно, так потом и нёс в руке эти четыре бледно-розовых цветка.

Ветер не унимался; вуаль омрачала её бледное лицо, и у могилы Лена занималась в основном тем, что что-то там подкалывала, как-то там её пришпиливала, чтобы не очень трепалось. А снова распустила, когда всё кончилось: оставили цветы на бугре и вернулись к автобусу.

Я понимал, почему фата, да и все, наверное, понимали: что тут непонятного, куда уж прозрачней, со дня бракосочетания месяца не прошло. Так что хоть и траурной расцветки, а всё же, по сути дела, подвенечная. И само слово «венчание» нетрудно было подверстать, оно тоже обретало нужный смысл, примеров сколько угодно: *повенчан со смертью, калёна стрела венчала* и так далее.

В общем, знаки прочитаны, иносказания поняты, аллегии разгаданы, всё ясно. Раз-

ве что в том некоторое несовпадение, что фата на Лене, а окрутиться с вечной разлучницей пришлось суженому.

Сонечка лопотала, тянула мокрый кулачок и всё норвила высвободиться, не концентрируясь на этом особо, а просто рутинно не оставляя попыток вольной жизни: ёрзала, упрямо дрыгая пухлыми ножками в белых колготках и алых пинетках. Но свобода не завоёвывалась, детские стулья нарочно так устроены, чтобы баловство не кончилось увечьем, — на пузике перекладина, сзади высокая спинка.

Они втроём сидели на одной стороне стола и близко друг к другу — Марина, Лена, Сонечка, — и почему-то мне казалось, что, несмотря на строгую иерархию, существующую между ними, — бабушка, дочка, внучка — все три и теперь, и прежде, и впредь будут одного возраста, а может быть, само это понятие — возраст — в применении к ним вовсе лишено сколько-нибудь разумного содержания.

Гипюр мешал Лене подносить вилку ко рту, минут десять она упрямо с ним боролась, но потом всё же сдалась и сняла фату. Лицо её просветлело, и когда это произошло, стало понятно, чего не хватало, чтобы скорбная торжественность собрания окончательно растворилась в звуках не столь уж и безжизненного застолья.

Полязгивали вилки о тарелки, апельсиновая вода побулькивала, полня стаканы, цокали горлышки о рюмки, кто-то покашливал, кто-то нечаянно похохатывал. Марина твердила, чтобы не смущались, брали закуски: дескать, налетайте, скоро она принесёт горячее, утром попросила соседку присмотреть за курицей с картошкой, и всё получилось: и упрело на славу, и остыть не успело. Давайте-давайте, вот она уже пошла, а вы пока тут позаботьтесь, надо же помянуть Шуру, ведь какой человек был хороший, только не чокаться, давайте-давайте.

Мы и не чокались, хотя и непривычно было не чокаться, рука всякий раз сама тянулась, приходилось смирять позыв усилением воли, а если кто-нибудь всё-таки нечаянно забывался, выставлял рюмку, дожидаясь соударения, то сосед шикал: ты что, мол, разве можно, — и всякий раз забывчивый так охал и так спохватывался, будто ещё мгновение — и всё бы пошло прахом, всё бы на смарку, спасибо, придержали.

Раз за разом прокатывались одни и те же давно всем известные фразы, встречаемые столь же привычными ответными словами, но ведь это не шутки были, чтобы называть их заезженными, тут не до шуток, дело серьёзное, а что до нового, так никто здесь нынче и не собирался сказать или услышать хоть крупицу чего-нибудь нового.

В общем, хорошо, что всё шло заведённым порядком, а то ведь всякое бывает.

Курили на балконе. Пробираться приходилось по неожиданно сложной траектории. Большинство предметов, загромождавших и без того-то тесную квартирку, явно требовалось иное пространство, чтобы показаться стильными и даже удобными. Не исключено, что их вызывающая никчёмность и там вызывала бы недоумение.

Высокое зеркало сложной формы с добавочными стеблями и листьями нержавеющей стали, прихотливо выющимися вокруг криволинейной рамы, — сама же рама в золотой арке на карданных шарнирах, позволявших, по идее, менять и наклон, и угол поворота в поисках верного ракурса отражения, — но тут негде было толком размахнуться. В углу рулон диких шкур, наружная как бы не зебрычья. Туземная этажерка, назначенная на роль Антея, хлипко кособочилась под каминными часами в виде земного шара.

Три холста, один другого шире, стояли лицом к стене, словно чего-то стыдясь; судя по массивности золочёного багета, за лаковые завитушки которого я несколько раз цеплялся пиджаком, протискиваясь, живопись была на исторические сюжеты.

Вся эта надрывная роскошь в хрущёвке меня озадачивала.

Но потом зашёл разговор, кое-что прояснивший. Все находили слова посочувство-

вать, подруга Марины качала головой, повторяя: «Что за люди, уму непостижимо!», Лена морщилась уязвленно и стоически.

Дело и впрямь было из ряда вон: мало того что мужа хоронить, так ещё и вывозить имущество как на пожаре.

Незадолго до свадьбы Шура снял для них огромную квартиру в новом элитном доме на Пречистенке, под Новый год Лена к нему переехала, а когда всё случилось, выяснилось, что за жильё ни разу не заплачено, даже аванса почему-то нет. И теперь никто из присутствующих не мог понять ни того, как вышла такая недостача, ни тем более как арендодателям хватает совести выкидывать на улицу молодую вдову — мать с ребёнком (правда, Сонечка всё это время оставалась с бабушкой).

— Я ведь от своей прежней квартиры отказалась, — поясняла Лена. — Теперь ещё найди подходящую... И куда мне было деваться?

— Ну изверги, просто изверги! — говорила Маринина подруга, расширяя глаза. — Как же так-то, господи!..

— Не верю я, что Шура за квартиру не платил! — вновь и вновь повторяла Марина. — Не такой он человек, чтобы за квартиру не платить! Он молодую жену в неё привел, как же не платить?

— Вот именно, — поддержал Марину её брат. — Верно говоришь. Знаю я этих арен-

додателей! Как слух пошёл, так и изобрели, чтоб побольше денег сорвать. Ты документы у них требовала?

Лена отмахнулась:

— Дядя Клим, ну какие документы! Это у меня должны быть документы, что плачено! Ордера, переводы!.. А их нет! И что?!

— Совсем люди озверели, — печально констатировала другая Маринина подруга — не то Оля, не то Наташа, — которая с короткой стрижкой. Пока я запомнил, что Мариного брата зовут Климом, остальные сливались и путались, но шансы когда-нибудь ещё свидеться были невелики. Кроме того, я понял, что всё это были друзья и родственники Лены и Марины, а со стороны покойного, кажется, никого не было. — Слышала, что с Наташей Горенковой?

— А что с Наташей Горенковой? — удивилась Марина. — Я её тыщу лет не видела. Что с ней не так?

— Ты не знаешь? Ну, тогда, если вздумаешь повидаться, шуруй прямо на Домодедовское.

— Да ты что! — ужаснулась Марина. Она прижала ладони к щекам, скорбно качнула головой, а отняв, взяла обычный тон: — Ну, она же насколько старше была...

— Дело не в возрасте, — возразила другая подруга, тут же описав трагическую ситуацию Наташи Горенковой, вечная ей па-

мать. Все знали, что Наташина дочь давным-давно вышла замуж за какого-то немчуру и уехала в Германию, а Наташа переписала принадлежавшую ей квартиру на имя своей кровиночки, потому что мать есть мать. Много лет это не имело значения, но когда прошло время и немца попросили со службы, возникли какие-то проблемы с выслугой лет, так что чуть ли не без пенсии. Тогда дочка и вспомнила о своём имуществе. Наташа Горенкова сначала не поняла: а я где буду жить? Ну что ты, мама, удивилась дочка, у тебя друзей-то сколько!..

— Вот ничего себе! — всполошилась Марина. — Это каких же друзей?! Это мы, что ли, друзья?

— В общем, она её тут же в дом престарелых. И через две недели — аля-улю!..

— Да ты что!.. — ахнула Марина. — А квартира?

— Да что квартира? Говорю же: дочка продала квартиру!

— Дети есть дети, — со вздохом заметил Николай не то Василий.

— Вот ты даёшь! — возмутился Клим. — А мать что же? А мать не есть мать?!

— Мама, что ты на меня так смотришь? — рассмеялась Лена. — Я не отдам тебя в дом престарелых!

Я невольно ждал, что острая на язычок Лена добавит в шутку что-нибудь вроде «разве что в психушку!», но обошлось.

К тому же Сонечка сказала долгое «тпру-у-у-у-у!», словно подводя итог дискуссии, и с размаху бросила на стол облюбованного утёнка.

— Зубки режутся у нас, — проворковала Марина. — Скоро будем совсем зубастые. Да, зайныка? Зубастые будем! Берегись тогда! Всех покусаем! Да, чижик?

Девочка захныкала.

Марина извлекла утёнка из салатницы, отёрла майонез и вернула Соне. Соня снова с урчанием в него впилась.

— Эх, Шура, Шура!.. — вздохнула Марина, с нежной улыбкой глядя на девочку.

Её грустные слова спустили очередную пружинку.

— Да, да... чуточку...

— Ну что?..

— Ну-ка, протяни-ка...

— Мне на самое донышко...

— А к Сонечке он как относился! — воскликнула Марина. Голос зазвенел. — Как относился-то, господи! Какую полость подарил! Лена, помнишь?

— Помню, да, — кивнула Лена. — Шиншилловую. Я его ещё ругала тогда...

— И правильно ругала! — выкрикнула Марина. — Шиншилловую полость! Ведь какие деньги! Ничего не жалел, господи!.. Ну, давайте. Не чокаться!..

Об этой полости я уже знал: Марина обмолвилась, когда звала на свадьбу.

Честно говоря, я тогда удивился, услышав её голос, ведь мы года четыре не пересекались. Если не больше.

Собственно, мы могли бы и дальше не вспоминать друг о друге, и никто бы, думаю, не посетовал на забывчивость. Мы не были друзьями. Но с другой стороны, были не просто знакомыми.

Когда Марина училась в аспирантуре, моя мама была её научным руководителем. С годами мамино руководство и Маринино ученичество, несмотря на разницу в возрасте, а может, и благодаря ему, перешло в тесное přátельство.

Можно сказать, мы дружили домами.

Маринин муж Миша Белицкий был спортивным врачом, супруги сплочённо стояли за подвижный образ жизни, чистоту энергий, открытость чакр и здоровое питание. В начале знакомства, когда я учился в школе, а их дочка Лена была совсем маленькой, Марина сопротивлялась попыткам мужа поставить их общую жизнь на правильные рельсы в отношении питания и движения. Однако с годами Миша преуспел в её перевоспитании и, более того, так разогнал жену на этом пути, что сам начал отставать. Дело руководства семейным здоровьем Марине пришлось взять в свои руки. Папа в этой связи говорил, что Марина стала святее папы римского.

Мои родители не во всём соответствовали представлениям молодой пары о том, как именно следует идти по тропе жизни. Папу особенно раздражали озабоченные намёки Марины на роковые последствия лишнего веса. Возможно, она и не собиралась склонять его к важным и полезным переменам, а просто так иногда говорила. Но папа мало того что не склонялся, так ещё за глаза называл её «стрекулисткой». «Марину хочешь позвать?.. Хорошо, пусть приходят. Правда, она стрекулистка, ну да вечерок потерпим».

Мама на такого рода выпады внимания не обращала, а я не мог взять в толк, что он имеет в виду. Отец хмыкал: мол, что тут непонятного. Мои самостоятельные изыскания долго ни к чему не приводили: ни БСЭ, ни ещё несколько столь же авторитетных справочников прояснить дела не смогли. Искомое слово обнаружилось лишь в первом издании словаря Ушакова (в позднейших такой статьи уже не было). Но папа решительно отверг академические трактовки, заявив, что ни мелкой чиновницей, ни пронырой, ни женского рода ловкачом он Марину не считает. Всё не так, сказал он, в его понимании слово «стрекулистка» означает нечто совершенно другое.

Возможно, жизнь подтвердила его правоту, а может, наоборот, опровергла, трудно сказать определённо, ведь всё зависит от того, какой смысл вкладывать в слова, а этого я так и не понял.

Кроме общего стремления к здоровью и долголетию, Марина уверилась в пользе и необходимости сыроедения, и много лет (не несколько, потому что несколько — это больше трёх, но меньше шести, а дело шло на десятилетия) они ему предавались все вместе. Даже кошка Маруся ела сырую свёклу, по словам Марины, с наслаждением. Лене, по настоянию лечащего, нисходя к её детскому возрасту, позволялось иногда что-нибудь варёное.

То ли Миша помнил о своих далёких еврейских корнях, то ли просто любил рыбу фйш, но время от времени они всё же покупали и готовили щуку, мне самому несколько раз доводилось её отведать, чудная была вещь. Как-то раз Марина взвинченно пожаловалась маме за чашкой кофе: «Мишка упрямый как баран! Просто невыносим! Что ни говори, всё об стенку горох! Три года не могу заставить его чистить щукe зубы! Я даже щётку ему специальную купила!..»

Не знаю, это или что другое стало причиной их разрыва, но однажды Миша предал семью — и ушёл.

Если бы кошка Маруся ушла с ним, это тоже было бы предательством. Но кошка Маруся поступила ещё хуже.

Марина укладывалась спать, а Маруся сидела, как обычно, неподалёку на кресле. Дождавшись, когда погас торшер, она в густом мраке молча бросилась на хозяйку и стала

Волос А.

В 68 Облака перемен : роман / Андрей Волос. —
СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. —
384 с. — (Азбука. Голоса).

ISBN 978-5-389-26949-1

Однажды в квартире главного героя — писателя раздаётся телефонный звонок: старая знакомая зовёт его на похороны зятя. Преуспевающий бизнесмен скончался внезапно, совсем ничего не оставив молодой жене. Случившееся вызывает в памяти писателя цепочку событий: страстный роман с Лилианой, дочерью умеренно известного советского режиссёра Василия Кондрашова, поездки на их дачу, прогулки, во время которых он помогал Кондрашову подготовиться к написанию мемуаров, и, наконец, внезапная смерть старика. В идиллические отношения писателя и Лилианы вторгается Александр — с виду благополучный предприниматель, но только на первый взгляд... У этой истории — несколько сюжетных линий, в которых есть элементы триллера, и авантюрного романа, и семейной саги. Роман-головоломка, который обманывает читательские ожидания страница за страницей.

«„Облака перемен“ — это такое „Преступление и наказание“, не Достоевский, конечно, но мастерски сшитое полотно, где вместо старухи-процентщицы — бывший режиссёр, которого убивает обман Александра — афериста, лишившего старика и его дочь всех денег. А вместо следователя Порфирия Петровича — писатель, создающий роман» (*Мария Бушуева*).

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

АНДРЕЙ ГЕРМАНОВИЧ ВОЛОС
ОБЛАКА ПЕРЕМЕН

Ответственный редактор Мария Нестеренко
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная вёрстка Михаила Львова
Корректоры Ульяна Смирнова, Светлана Фёдорова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 09.12.2024.
Формат издания 84 × 96 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 17,88. Заказ № .

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01
факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01
факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-MOD-35958-01-R